

© 2003 г.

В.Х. БЕЛЕНЬКИЙ

РАБОЧИЙ КЛАСС КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

БЕЛЕНЬКИЙ Владимир Хононович - доктор философских наук, профессор кафедры социологии, политологии и права Красноярской государственной академии цветных металлов и золота, действительный член АПН.

Статья В.В. Трушкова (Социс. 2002. № 2) чрезвычайно злободневна, хотя и не лишена существенных недостатков. Поэтому, прежде всего считаю необходимым выразить удовлетворение тем, что редакция опубликовала статью и пригласила читателей принять участие в ее обсуждении.

Несомненно, что автор имеет основания ставить вопрос: не исчез ли рабочий класс в России? Я полностью солидарен с отрицательным ответом на этот вопрос. Однако сами подходы к нему весьма многообразны. Представляется, что оптимальным является исторический подход [1], с позиций которого рабочий класс существовал до Октября, в советский период и существует сейчас, хотя он сам и условия его бытия претерпели качественные изменения. Проф. Трушков придерживается этой же точки зрения. Как я уже писал [2], официальная идеология отрицает наличие рабочего класса в России. Немало придерживающихся таких взглядов и среди социологов. Это, к примеру, С.Г. Кара-Мурза, О.И. Шкаратан, В.В. Радаев и др. [3]. Некоторые считают, что о классах в России говорить весьма спорно [4]. Однако хотя реставраторы капитализма и ставят нашу страну во многих отношениях на уровень развивающихся стран, все же, по данным Трушкова, в России 30 млн. рабочих, очень высокая концентрация производства, внушительная индустрия. Десятки миллионов рабочих - группа людей, находящихся в относительно тождественном социально-экономическом положении и отличающихся от других групп людей по своему социально-экономическому положению - это и есть класс как объективная общность. Разумеется, этим миллионам можно отказать в праве называться классом, потому что они плохо организованы, несознательны в классовом отношении, несолидарны и т.п. Но это субъективистский подход, который для многих неприемлем.

Одна из видных разработчиков социоструктурных проблем, З.Т. Голенкова, занимает более гибкую позицию. Суть ее в том, что рабочий класс в России и существует, и не существует. С одной стороны, проф. Голенкова неоднократно и совершенно верно отмечает, что "прежние социальные группы" - рабочий класс, крестьянство, интеллигенция - сохранились и реально, и в массовом сознании, что они составляют основу социальной структуры современного российского общества, хотя изменились их роль в обществе и количественные показатели [5]. Эта же мысль повторена З.Т. Голенковой и в докладе на социологическом конгрессе, но, с другой стороны, в нем содержится и такое положение: "Традиционная для советского периода трехчленная модель

("2+1") в условиях трансформации общества "не работает" даже на уровне метасоциологии" [6].

В данном контексте важно другое: существуют ли в России рабочий класс, равно как крестьянство и интеллигенция? Утвердительный ответ на этот вопрос не может не дать любой объективный, непредубежденный социолог. К такому выводу склоняют не только теоретические соображения и статистические данные, приведенные В.В. Трушковым, но и социологические исследования в различных регионах страны. На Всероссийском социологическом конгрессе 2000 г. прозвучал содержательный, хотя и небесспорный доклад С.С. Балабанова и Т.Н. Балабановой о трансформации рабочего класса в регионе. В марте 2002 г. защищена интересная кандидатская диссертация по социологии в Бурятском госуниверситете об изменении социальной структуры рабочих промышленности в процессе перехода российского общества к рынку. Диссертант, Е.А. Кряжев, исходит из того, что рабочий класс был и остается основной производительной силой общества.

Есть все основания считать этот тезис непреложным и фундаментальным во всей проблематике, связанной с рабочим классом. Но сразу же возникает вопрос о положении и состоянии рабочего класса. И тотчас мы сталкиваемся с потоком негативных характеристик происходящих с ним изменений - как объективных, так и субъективных. Так, например, В.В. Трушков отмечает: 1) сокращение численности рабочего класса и его доли среди занятого населения; 2) рост безработицы; 3) разрушение рабочего класса и его деградация (рост численности неквалифицированных и сокращение численности квалифицированных рабочих, снижение эффективности и рост интенсивности труда); 4) деформация мировидения рабочих; 5) отсутствие классовой солидарности и сознания своих особых классовых интересов; 6) переход какой-то части рабочих в ряды мелкой буржуазии.

В публикации С.С. и Т.Н. Балабановых картина более конкретна: 1) уменьшение удельного веса рабочих среди занятого населения; 2) собственниками средств производства считают себя 4% рабочих (что отражает процесс пролетаризации - В.Б.); 3) рабочий класс отчужден от власти и управления; 4) переход многих рабочих из сферы производства в сферу обслуживания; 5) деградация преобладает над развитием ($\frac{3}{4}$ рабочих не повышают квалификацию); 6) рабочему классу присуща нисходящая социальная мобильность; 7) $\frac{2}{3}$ рабочих живут в страхе потерять работу [7].

Е.А. Кряжев характеризует ухудшение социальной ситуации рабочего класса еще полнее и глубже, причем нередко подчеркивает совпадение тенденций, присущих Бурятии, с общероссийскими: 1) рабочий класс превратился в пролетариат¹; 2) сокращение доли рабочих среди занятых; 3) снижение социального статуса рабочего класса; 4) усиление социальной дифференциации рабочего класса; 5) тенденция к старению рабочего класса; 6) усиливается чувство неудовлетворенностью трудом; 7) резко ухудшилось социальное самочувствие рабочих; 8) части рабочих присущи эгоистические настроения, проявления деморализации; 9) снижаются организованность и политическая активность рабочего класса; 10) он размыт, дезориентирован, его нельзя считать единым социальным образованием и т.д.

Из всего этого следует прежде всего вывод о том, что редакция журнала "Социологические исследования" права, ставя вопрос о необходимости сопоставления и, я бы добавил, взаимодополнения данных социальной статистики и социологических исследований. Ясно также, что рабочий класс России находится в бедственном положении. Он не является классом-гегемоном, да и сопротивляемость, способность отстаивать свои интересы у него слабы. На это в разное время обращали внимание А. Кива, В. Милитарев, М. Денисов и другие авторы. С этой точки зрения особый интерес вы-

---

¹ К сожалению, автор высказал ряд положений, в той или иной степени не согласующихся с данным тезисом. Так, он пишет: "Становление экономики смешанного типа вызвало дифференциацию рабочих в зависимости от форм собственности" [8].

зывают приводимые В.В. Трушковым данные о забастовочном движении в России, хотя они и являются собой пример некачественного анализа. Возьмем лишь один показатель - число бастовавших на одно предприятие. Приведены сведения за 10 лет (1990-1999): 383, 135, 57, 455, 302, 55, 80, 52, 48, 33[9]. Среднее число участников стачек за десятилетие составило 160 человек, а за 1995-1999 гг. - 53 человека. Для сравнения обратимся к ленинскому анализу стачечного движения в России. В 1910 г. Ленин писал: "Среднее число участников стачки было: за 10 лет (1895-1904) 244 рабочих,

1905 год	205 рабочих,
1906	181 »
1907	207 »
1908	197 рабочих [10].

Ленин пояснил, что уменьшение размера стачек (по числу участников) в 1905 г. объяснялось вовлечением в борьбу массы мелких заведений, которые понизили средние числа участников. Дал он и ряд других пояснений. Как бы то ни было, но самый малый показатель среднего числа стачечников и после 1908 г. не опускался ниже 188 в 1909 г., а со следующего года он начал быстро расти [11].

Чем же объяснить мизерные размеры этого показателя в 90-х гг. XX в.? Может быть, в современной России снизилась концентрация производства и стали преобладать маленькие предприятия? Известно, что в процессе приватизации попытка разгрома крупной индустрии имела место, но до конца не была доведена, и проф. Трушков показывает в конце своей статьи, что концентрация рабочих на крупных предприятиях сейчас намного выше, чем до революции. У нас остается один выход - признать, что в России в основном бастуют не рабочие! И это несомненно так. Да и сам Трушков отчасти это понимает. В забастовках по его данным, участвуют не рабочие, а "трудящиеся" и "работники". Он пишет: "В 2000 г. бастовало... только 48 предприятий и организаций, из них 47 - учительских коллективов. Все аналитики сходятся на том, что вновь возникла вера в "хорошего царя", одно из самых ярко выраженных проявлений отсутствия классовой оценки" [12]. Таким образом, в статье о рабочем классе приводится статистика забастовок за десятилетие, которая обнаруживает, что забастовки в 1995-2000 гг., собственно говоря, не были в основном рабочими забастовками, но их идеологические результаты без малейшего социологического подтверждения экстраполированы на рабочий класс. Как говорится, комментарии излишни.

От внимания аналитиков не должно ускользать следующее обстоятельство: чем меньше забастовок, тем они крупнее по числу участников. В 1997 г. было 17007 забастовок, а среднее число их участников составило аж 52 человека. В 1993 г. было 264 забастовки, однако среднее количество их участников составило 455 человек. Можно предположить, что это были в основном именно рабочие забастовки, потому что в школах и больницах по 455 человек все же редко работают. Но В.В. Трушков делает совсем другое предположение: спад числа забастовок в 1993 г. "связан скорее всего со страхом, посеянным прежде всего расстрелом Дома Советов России".

Все эти факты и размышления ставят нас перед необходимостью обратиться к вопросу о причинах негативных явлений в рабочей среде. В этом отношении в трех рассматриваемых публикациях есть немало общего. Это общее прежде всего усматривается в том, что основным фактором всего отрицательного в рабочем классе признается или прямо (Е.А. Кряжев), или не вполне явно (С.С. и Т.Н. Балабановы) курс на капитализацию России. По словам Кряжева, "...курс на капитализацию страны у большинства рабочих широкой поддержки не получил. Предпочтительное направление в развитии страны многие респонденты связывают с социализмом..." [13]. Подобные наблюдения описаны и Балабановыми. Во всех трех публикациях абсолютное и относительное уменьшение рабочего класса в России связывается не с научно-техническим и технологическим прогрессом, а с разрушительными, кризисными процессами в промышленности и строительстве. Однако В.В. Трушков, а отчасти и Е.А. Кряжев не ограничиваются этим. Они справедливо полагают, что слабости, присущие рабочему

классу и рабочему движению в наши дни, в значительной степени коренятся в особенностях советского строя. Но развитие этой правильной мысли проф. Трушковым вызывает большие сомнения.

Все дело сводится им к мелкобуржуазности. "Она и у советского рабочего класса напоминала скрытую форму тяжелой болезни. Рабочие в третьем поколении в 80-е годы составляли абсолютное меньшинство рабочего класса. Среди всего городского населения России к 1990 г. горожане в первом поколении составляли почти пятую часть городского населения, примерно еще такая же доля - горожане во втором поколении. Эти цифры можно распространить и на рабочий класс. Иначе говоря, мелкобуржуазные корни в нем дремали, но не высохли. Эта особенность рабочего класса ярко проявилась в ходе перестройки. Положение мелкого буржуа (например, продавца в частной лавке, спекулянта на рынке, челнока и т.п.) многие нашли более предпочтительным, чем положение труженика госпредприятия. С одной стороны, рабочий сам активно переходил в кооперативы, влекомый легким рублем, с другой, - массовая безработица 90-х с неизбежностью толкала его в ряды мелкой буржуазии". Мелкобуржуазность наряду с диктатурой голода - факторы деформации мировидения рабочего. "Проблема выживания вытесняет из его сознания все остальное, и это одна из важнейших причин, почему в рабочем классе до сих пор не сложились ни классовая солидарность, ни осознание своих классовых интересов". По мнению В.В. Трушкова, рабочий класс России ныне пребывает в состоянии "класса в себе" [14]. Данная точка зрения основана на традиционных приемах анализа, хотя эти приемы абстрактны и непродуктивны. Так, превращение рабочего класса из "класса в себе" в "класс для себя" произошло в России в конце XIX - начале XX в. Если сейчас это превращение вновь становится актуальной проблемой, то ее возникновению предшествовало превращение "класса для себя" в "класс в себе". Возможно ли это в принципе? Видимо, возможно. «...В жизни в движении все и вся *бывает* как "в себе", так и "для других", в отношении к другому, превращаясь из одного состояния в другое» [15]. Но в литературе господствует линейное представление по данному вопросу и нет уверенности, что от него надо отказаться, особенно в агитационно-пропагандистском плане. Кроме того, инверсионный подход к данной проблеме проф. Трушковым даже не обозначен: неведомо откуда взявшаяся проблема просто провозглашается - и все. Наконец, традиционные формы решения вопросов классовой структуры нередко мешают ставить важные научные вопросы - о движущих силах развития российского общества, о субъективном состоянии различных классов и социальных слоев в России и т.д. Следовательно, необходимы новые средства для описания и анализа субъективных состояний социальных общностей и групп. Поэтому я и предложил в свое время понятия, "активных" (субъективных) и "пассивных" (объективных) элементов социальной структуры общества. Но они не получили широкого распространения.

Однако вернемся к нашему предмету дискуссии. Я решительно не согласен с положениями В.В. Трушкова о роли мелкобуржуазности и диктатуры голода, о вере рабочих в хорошего царя. Да, проблема выживания - важная и острая проблема. Однако она не затмила всех других вопросов бытия рабочего класса. Так, рабочие многих предприятий, даже длительное время не получая заработной платы, продолжали и продолжают работать. Или взять ситуации передела собственности. Нередко рабочим навязывают пассивную, несамостоятельную роль в этих процессах. Но иной раз они действуют активно, самостоятельно, отстаивая интересы производства и населения. Именно так обстояло дело на Выборгском ЦБК, на Московской мебельной фабрике и многих других предприятиях.

Далее, мелкобуржуазная инфицированность рабочего класса явление не российское, а интернациональное и вполне закономерное, в разной степени и форме присутствующее пролетариату всех стран. Марксисты всегда считали, что в определенных исторических условиях избежать этого явления невозможно, но ему можно и нужно противостоять. А когда этого не происходит, мелкобуржуазность рабочего класса из его беды превращают в его вину, что и демонстрирует В.В. Трушков. В политико-практичес-

ком отношении такие превращения чреваты стратегическими и тактическими провалами, характерными, к примеру, для КПРФ. А в теоретическом плане абстрактное резонерство по поводу мелкобуржуазности рабочего класса может априорно наложить печать негативизма на исследование его проблем. Стало быть, и в данном случае необходим поиск новых средств, а главное, новых идей, позволяющих осуществлять социологический анализ прошлого, настоящего и будущего нашего общества и его социальной структуры. Попытаюсь в предельно кратком виде изложить свой опыт такого анализа.

В СССР были ликвидированы капиталистические и средневековые отношения, частная собственность, классы капиталистов и помещиков. Однако возникшая общественная собственность утвердилась в примитивной форме. Дело было не столько в субъектах, сколько в объектах собственности. Объект общественной собственности в советской России принципиально не отличался от объекта капиталистической собственности. Следовательно, экономическое содержание Октябрьской революции могло быть социалистическим лишь постольку, поскольку преодолевалось это тождество. Но И.В. Сталин свел эту задачу к преодолению отставания СССР от западных стран по важнейшим народнохозяйственным показателям. Тем самым общество обрекалось на состояние, которое молодой Маркс назвал "казарменным коммунизмом"². К тому же советская власть не могла ликвидировать и не ликвидировала бюрократизм со всеми его российскими аксессуарами. В обществе, сочетавшем колоссальные ресурсы с разрухой и убожеством, утвердился политический режим, уничтоживший самодержавие, отвергший буржуазную демократию, но не обеспечивший торжество пролетарской демократии. Идти вперед можно было или восполняя дефициты насильем, уравниловкой, лишениями и манипулированием массами, или сняв все препятствия перед их творчеством. Режим пошел в основном первым путем, создавая всеобщую иллюзию, что идет вторым.

На базе государственной собственности в СССР сохранился и вырос рабочий класс, однако гражданская война, последовавшая разруха и индустриализация коренным образом изменили его субстратный состав: большинство рабочих составили выходцы из деревни. Сохранилось, но стало кооперированным крестьянство. Выросла и обновилась за счет рабочих и крестьян интеллигенция, в том числе управленческая. Эти процессы сопровождались репрессиями, жертвами которых стали прежде всего лучшие люди из всех слоев. В результате ухудшался субстратный состав всех классов и слоев населения и кадровый состав всех социальных и политических институтов.

Наиболее общей тенденцией перечисленных социальных сдвигов наряду со своеобразным раскрестьяниванием деревни явилось своеобразное окрестьянивание общества, сопровождавшееся усилением влияния и ранее широко распространенной общинной, артельной психологии. Общинность, артельность, пролетарская солидарность в условиях господства государственной и групповой собственности стали трансформироваться в коллективизм, общественные отношения - приобретать коллективистский характер, а персоналы предприятий - превращаться в трудовые коллективы.

Нормативно трудовой коллектив - организованная, социально активная трудовая общность людей, объединенных совместной деятельностью на базе общественного предприятия (организации), единством интересов, целей и воли, взаимной ответственностью. Однако трудовые коллективы как предмет теоретического определения и как реально существующие социальные субъекты полностью никогда не совпадали. В этом выражалось противоречие между их большой ролью и "недоразвитием". Немного об этом противоречии.

Истинная причина саморазрушения советского строя состояла в том, что капитализм, оставаясь капитализмом (хотя и сильно изменившимся), обогнал примитивный социализм в движении к действительно социалистическому содержанию отношений собственности. Этот же фактор, а не пресловутая мелкобуржуазность, во многом определил специфику рабочего класса в СССР.

Трудовые коллективы являлись и в известной степени пока еще остаются основной производительной силой страны. Они при советском строе сформировались как социальные субъекты, вошли как специфические социальные группы в социальную структуру общества. Объективным источником субъектности трудовых коллективов явилась коллективность как присущая социализму форма общественных отношений. Причем они действовали во всех сферах общественной жизни, выступали как универсальная движущая сила развития общества, являясь в некотором роде более чем эквивалентом среднего класса на Западе.

А "недоразвитие" трудовых коллективов было связано с рядом факторов. На заре советского строя это прежде всего ограниченность личности, члена общины в прошлом или настоящем, часто неграмотного или малограмотного, с патриархальными привычками, соединившимися с идеями солидарности. Для таких людей подчинение миру, кругу, артели, большинству было естественно, как подчинение отцу. Эта зыбкая среда, освещенная коммунистической идеей, оказалась удобной для бюрократизма. Взаимосвязь последнего и складывающейся коллективности дала весьма своеобразный продукт - трудовые коллективы, которые не могли осуществить основной принцип коллективности: "При действительной коллективности индивиды добиваются в своей ассоциации и с помощью своей ассоциации также и своей свободы". Суть не в том, что в СССР свобода индивидов не была достигнута: ее достижение - длительный и сложный процесс движения к совпадению общей и индивидуальной собственности на основе развития техники, технологии, науки, образования и т.д. Однако сам процесс движения не усиливался, а ослабевал, и это в значительной мере было связано с положением трудовых коллективов, которые оказались встроенными в государственной социализм и тоталитарный режим. Не вдаваясь в подробности, подчеркну, что по существу происходило "рассубъечивание" трудовых коллективов³. Они все больше превращались в объектные элементы социальной структуры общества. Без учета этого обстоятельства невозможен серьезный анализ социально-экономических и политических процессов как в СССР, так и в постсоветской России.

Как уже отмечалось, ныне широко распространено мнение, что советское общество было бесклассовым. Опровергая эту точку зрения хочу подчеркнуть, что классы в советском обществе были специфическими, причем на их положение и состояние воздействовали противоречивые факторы. Так, десятилетиями декларировавшаяся ведущая роль рабочего класса все больше превращалась в фикцию, что само по себе стало причиной социально-политической и морально-психологической его деградации. Постепенно этот класс перестал быть сколько-нибудь активной политической силой, стал объектом попечительства и демагогии, утратил субъектную форму жизнедеятельности. А поскольку его численность и официально провозглашаемая роль были велики, поскольку статисты из числа рабочих составляли большинство партии, советов и т.д., невольно маскируя любые действия номенклатуры в центре и на местах, поскольку имело место и спонтанное, и организуемое сближение и переплетение рабочего класса с другими слоями населения, - постольку он становился скорее сдерживающим, нежели активизирующим и активным фактором в системе движущих сил общественного развития. Режим и возглавлявшая его верхушка КПСС лишились своей социальной базы, стали опираться не на самостоятельность масс, а на бюрократический аппарат.

При социализме - даже примитивном, как в нашем случае, - трудящиеся классы активны не против других классов и слоев, а "вместе с ними", главным образом - через *трудовые коллективы*, т.е. в форме, обеспечивающей не борьбу, а сотрудничество с другими социальными группами, нацеливающей прежде всего на труд, который

Подробнее об этом процессе взгляды автора изложены в книге Беленький В.Х. Исторический выбор России. Размышления и диалоги. Красноярск. 1995. § 4.5; его же. Активные элементы социальной структуры общества: социально-философские и социально-политические проблемы. Красноярск. 1997. С. 25—27.

становится главным видом деятельности не только рабочих и крестьян, но и классов рабочих и крестьян, и трудовых коллективов. Однако трудовые, особенно производственные коллективы, в которых концентрировались основные линии сотрудничества между различными социальными группами, в свою очередь утрачивали активность. Следовательно, в контролируемом номенклатурой социальном пространстве социальные субъекты становились все более пассивными. А между тем предшествовавший прогресс общества способствовал тому, что ассоциированные в коллективы индивиды накопили значительный потенциал, искавший выхода, применения. Растущее количество людей были вынуждены или подчиняться режиму, или вступать в различные конфликты с ним. Все это дает основания утверждать, что важным аспектом постепенно усиления стагнации в СССР был кризис движущих сил общественного развития, который не преодолен и до сих пор [16].

Этот кризис, связанный сначала с застоем, а затем с неэффективным реформированием России, составили подвижный комплекс факторов, который так или иначе негативно сказался на всех элементах социальной структуры бифуркирующего российского общества. Что скрывается за словами "так или иначе"? Формы и интенсивность воздействия. Так, рабочий класс пострадал от происшедших пертурбаций гораздо сильнее, чем крестьянство. Здесь сказалось в полной мере значение различия между двумя формами социалистической собственности. Атаке реформаторов подверглись обе формы. Но групповая собственность оказалась значительно более живучей, чем общенародная (государственная). Результаты первоначального накопления капитала в индустрии и в аграрном секторе на сегодняшний день серьезно отличаются друг от друга. Негативные характеристики и рабочего класса, и крестьянства, унаследованные от развитого социализма, сохранились. Но в сельском хозяйстве пока еще преобладает общественное производство, соответствующее коллективистскому менталитету крестьянства. В индустриальном секторе остатки общественной собственности если и есть, то ничтожны. Большинство предприятий находится в частных руках. Казенные, унитарные, муниципальные предприятия суть собственность всего высшего класса или отдельных его кланов, групп и т.п. Значительная, в ряде случаев все более значительная собственность сосредоточена в руках институтов, работающих на правящие круги, - профсоюзов, православной церкви и т.д.

Институциональные преобразования а la Чубайс, пролетаризация рабочего класса, между прочим, означали, что в России ликвидирована экономическая основа производственных коллективов в промышленности. Так может быть, и сами трудовые коллективы исчезли? Поставив этот вопрос, нетрудно обнаружить, насколько слабо разработаны социологические проблемы трудового коллектива вообще, применительно к современным российским условиям в особенности. Соотношение индивидуального и коллективного, коллективного и общинного, трудового коллектива и персонала предприятия, коллективного и группового (например, акционерного) - перечень неразработанных, запутанных или запутываемых тем велик. Поэтому социология имеет свою долю ответственности за совершенно неадекватное отношение *всех* российских институтов к трудовым коллективам. Среди этих институтов - не только государство, политические партии и другие организации буржуазии, но и профсоюзы, и КПРФ. Руководство КПРФ вообще полагает, что большинство трудовых коллективов распалось. Однако этот вывод противоречит данным социологических исследований А.Л. Темницкого, И.В. Осиповой, Л.Т. Волчковой, Е.В. Бесликовой, Н.Н. Сокол, Б.И. Максимова и других ученых.

Мы сталкиваемся с довольно парадоксальной ситуацией. Большинство трудовых коллективов, прежде всего те из них, которые охватывают рабочий класс и производственную интеллигенцию, лишены экономической основы и поддержки извне. Правящие круги проводят курс на ликвидацию трудовых коллективов как социальных субъектов, на превращение их в ординарные персоналы предприятий. Тем не менее эта задача не решена, коллективы продолжают существовать и даже возникают на новых предприятиях. Какие факторы этому способствуют? Социальная инерция, коллекти-

вистский менталитет, традиции, протестные тенденции, т.е. феномены скорее субъективного, чем объективного характера. Следовательно, трудовые коллективы пока существуют как социальные субъекты, но сама основа их существования принципиально изменилась и сокращается как шагреновая кожа. Это экзистенция против времени.

Причины столь неблагоприятного для трудовых коллективов стечения обстоятельств очевидны. Унаследованный ими потенциал был огромен, но с червоточинкой. Именно они *объективно* являлись и являются, но не осознаются основной силой, противостоящей капитализации России. Однако у высшего класса, у российской элиты сомнений на этот счет нет.

Тот факт, что вся жизнедеятельность рабочего класса и его перспективы органично связаны с трудовыми коллективами, лежит в основе самых различных (положительных и отрицательных) возможностей. Увы, пока что реализуются лишь последние. Низкая способность рабочих к сопротивлению, надежды на государство, на помощь предприятия, дирекции, поражающая иностранцев и социологов терпеливость, - все это в решающей степени связано не со склоняемыми на все лады патернализмом и мелкобуржуазностью рабочего класса, а с нацеленностью на труд, с коллективистскими ориентациями рабочих, с преобладанием привычного восприятия действительности. Пока все это не искоренено и проявляется на каждом шагу, например, в характере протестных действий рабочих - их спорадичности, привязке главным образом к предприятиям, подчиненности экономическим интересам. Конечно, на фоне грандиозных выступлений итальянского рабочего класса все это кажется бледной немочью, но такое суждение глубоко ошибочно. В действительности перед нами специфический продукт специфического исторического процесса, подобного которому не было ни в одной стране мира. Необычайно сложная проблема состоит в том, как феномены коллективистского сознания, функционирующего главным образом в рамках предприятия и нередко используемого противниками рабочих против рабочих, адаптировать к условиям антиколлективистской действительности в интересах рабочего класса. Решать эту проблему, руководствуясь лишь ортодоксальными принципами марксизма значит выхлачивать не только эти принципы, но и смысл социологического исследования проблем рабочего класса в новых условиях.

Рабочий класс России находится в состоянии социальной дезориентации, растерянности. Привычная, традиционная для него форма жизнедеятельности или отвергается (высшим классом, мелкой буржуазией, государством и правовой системой), или практически не поддерживается (КПРФ, профсоюзами). Его коренные экономические интересы - а они связаны с развитием, наряду с другими формами собственности, *коллективной собственности* - никем не выражаются и не отстаиваются, так что рабочие зачастую и не понимают, в чем эти интересы состоят. В обществе насаждается и бытует огромное количество социальных иллюзий, маскирующих усиливающуюся эксплуатацию рабочего класса, других слоев населения. Рабочий класс полностью лишен экономической свободы, самостоятельности в трудовой сфере, не говоря уже о других сферах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бельский В.Х.* Альтернативные подходы к анализу социальной структуры российского общества // Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса 27-30 сентября 2000 г. С-Петербург. 2000. С. 22; Он же. Преобразования в России и народные массы. Красноярск. 2001. С. 48.
2. *Бельский В.Х.* Социологические выводы из размышлений о морали // Независимая газета. 2002. 16 января.
3. *Советская Россия.* 1995. 25 февраля, 20 и 23 мая; *Радаев В.В., Шкартан О.И.* Социальная стратификация: Учеб. пособие. М., 1995. С. 197-198.
4. *Мельников Е.Г.* Социальная структура в российском обществе: противоречия трансформации и методология исследования // Социология и общество. Тезисы... С. 21.
5. *Голенкова З.Т.* Динамика социоструктурной трансформации в России // Социол. исслед. 1998. № 10. С. 79; Динамика социальной структуры и трансформация общественного сознания ("круглый стол") // Социол. исслед. 1998. № 12. С. 49-50.

6. *Голенкова З.Т.* Социальное неравенство и социальная стратификация в российском обществе // Социология и общество. Тезисы... С. 19.
7. *Балабанов С.С., Балабанова Т.Н.* Трансформация рабочего класса в регионе // Социология и общество. Тезисы... С. 51-52.
8. *Кряжев Е.А.* Изменение социальной структуры рабочих промышленности в процессе перехода российского общества к рынку (на материалах Республики Бурятия). Автореферат канд. диссерт. Улан-Удэ. 2002. С. 12.
9. *Трушков В.В.* Современный рабочий класс России в зеркале статистики // Социол. исслед. 2002. № 2. С. 50.
10. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 19. С. 389.
11. Подсчитано мной на основе данных: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 24. С. 215.
12. Социол. исслед. 2002. № 2. С. 50.
13. *Кряжев Е.А.* Указ. автореферат. С. 17-18.
14. Социол. исслед. 2002. № 2. С. 49-50, 51.
15. См.: *Мельник В.А.* Политология: Учебник. Минск. 1996. § 13.3.
16. См.: Социология и общество. Тезисы... С. 387, 399, 414, 440 и др.